

въ теченіи десятковъ лѣтъ, пока старецъ жилъ и работалъ, ужасаясь его насилію надъ художникомъ въ себѣ, подвергая сомнѣнію его искренность и обезцѣнивая дѣло его души. И въ это безповоротно повѣрили со дня смерти старца, сразу измѣривъ высоту и глубину его жизненнаго дѣла, и почувствовали, что въ немъ жила воплощенная наша совѣсть и суровая, требовательная правда.

«Надо жить и надо умирать»—это обязываетъ къ чему-то бѣльшему, чѣмъ писательство; если бы всѣ прониклись долгомъ жизни и смерти, пожалуй, излишне было бы писательство вообще. Маленькая христіанская община апостольскихъ временъ была совершенно чужда искусству точнаго выраженія идей и образовъ жизни, не нуждалась въ этомъ, ибо обладала послѣдней, какъ ей казалось, истиной, зовущей къ послѣднему осуществленію челоука въ вѣчномъ. Проходили мимо литературы, мимо культуры вообще, ибо готовилось не жить, а умереть для жизни вѣчной. Презрѣніе Ювенала и Плутарха къ сектѣ христіанъ, не имѣющихъ представленія о высокой культурѣ ума, о красотахъ стиля, объ идеяхъ греческой философіи и латинской поэзіи, понятно съ точки зрѣнія исключительности земной реальности. Труднѣе всего поэту и художнику оторваться отъ сокровищницъ мысли и искусства для дѣй-